

ной ситуации. Иногда часть цитаты становится у Ленина уже неотъемлемым элементом стиля, органически сливаясь с другими его элементами. Порой за одним словосочетанием или словом, как показывает автор, скрывается целая цитата. В 8-м разделе рассматриваются особенно характерные для стиля Маркса обороты, которые, как предлагает автор, можно назвать антилитературным способом выражения. Это — использование контрастов, сталкивание противоположностей, восходящее к Гегелю и диктуемое сущностью вещей. Ленин очень остро чувствует эту особенность стиля Маркса, близкую к его собственной (ср.: «оружие критики и критика оружия», «рассудок и прерассудок», «экспроприация экспроприаторов», «не может быть свободен народ, угнетающий другие народы», «ложное в формально-экономическом смысле может быть истинной в всемирно-историческом смысле» и др.). Интенсивное изучение Маркса и Гегеля не могло не наложить отпечатка на стиль Ленина, оно укрепляло и поддерживало особенную диалектическую выразительность и четкость его языка. Однако, подчеркивает Г. Зикмунд, нужны еще широкие исследования языка классиков марксизма-ленинизма, нужны дальнейшие разыскания, чтобы решить, имело ли место большое языковое и стилистическое влияние Маркса и Энгельса на Ленина.

Последняя, VI глава представляет собой этюд, посвященный истории одного слова, а именно — русским соответствиям слова «International» у Ленина. Прилагательное «international» было образовано в 1789 г. английским юристом Бентхемом (Bentham), который обозначал сочетанием «international law» понятие «*jus gentium*», собственно «*jus inter gentes*» — «международное право». Как юридический термин это сочетание быстро распространилось во Франции и в Америке. В Германии слово «International» стало очень популярным с середины XIX в., главным образом в значении «всеобщий, не ограничен-

ный национальными рамками» (как юридический термин там продолжало существовать «*Völkerrecht*»). После основания I Интернационала имя этой организации стало широко употребляемым и быстро сократилось до одного слова — «International», которое затем постепенно превратилось в немецком языке из прилагательного в существительное, что отразилось и на его склонении. У Ленина это слово впервые упоминается в 1894 г. в форме женского рода (*Интернациональ*) и изменяется по соответствующему типу склонения существительных (*Интернационали*, *Интернационалю*). После революции 1905 г. у Ленина всюду уже *Интернационал* — как существительное мужского рода. В работе показывается, как возникла и утвердилась эта форма в соответствии с фонетическими и словообразовательными законами русского языка, объясняется, почему ей предшествовала другая форма.

Отмечаются следующие этапы развития в истории русского названия «International»: 1) перевод полного названия организации «Международное общество рабочих»; 2) употребление сокращенного имени *Интернациональ* — из *Интернациональная ассоциация рабочих*; 3) переход имени из класса «чужих слов» в класс заимствований: *Интернациональ* > *Интернационал*, по продуктивному типу словообразования, ср. *профессиональный революционер* — *профессионал*.

Автор подчеркивает, что исследование языка Ленина было бы плодотворным для изучения недавней истории русского языка, в частности многих словообразовательных и терминологических проблем. До сих пор, однако, еще не исследованы отношения языка Ленина к русскому языку XIX в., так же как и значение его сочинений для русского языка XX в. Словарь языка Ленина по типу словаря языка Пушкина мог бы пролить свет на эти проблемы.

Н. П. Зверковская

ВТОРАЯ НАУЧНАЯ СЕССИЯ ПО ВОПРОСАМ ГЕРМАНСКОГО ЯЗЫКОЗНАНИЯ

С 2 по 6 марта 1959 г. в Институте языкознания АН СССР проходила Вторая научная сессия по вопросам германского языкознания. В работе сессии, кроме сотрудников института, приняли участие заведующие кафедрами и преподаватели теоретических курсов английского и немецкого языков высших учебных заведений Москвы, Ленинграда, Киева, Харькова, Алма-Аты, Тбилиси, Еревана, Баку, Ташкента, Горького, Риги, Вильнюса, Львова, Смоленска, Пятигорска, Черновца и других городов Советского Союза — всего более 250 человек. В качестве гостя АН СССР в работе сессии принял участие доктор Р. Гроссе (ГДР).

На сессии были поставлены на обсуждение следующие проблемы: 1) место гер-

манских языков в индоевропейской языковой семье, их классификация и связь с другими индоевропейскими языками и друг с другом; 2) проблемы фонологии и современного структурализма; 3) проблемы синтаксиса в сравнительно-исторических исследованиях; 4) проблема литературного языка, диалекта и понятие нормы; 5) некоторые вопросы теории современных германских языков.

Указав на несостоятельность традиционной классификации германских языков на восточную, северную и южную группы, чл.-корр. АН СССР В. М. Жирмунский в своем докладе «Шеменные диалекты древних германцев (северная и южная группы)» предложил в истории древнегерманских диалектов выделить только

две основные диалектные группы: северную (скандинавско-готскую) и южную (позднее «западнogerманскую»). Докладчик при этом особо подчеркивал, что историческая классификация германских племенных диалектов должна опираться на методику лингвистической географии во взаимодействии с данными археологии и истории древних германцев. Рассматриваемые с этой точки зрения древнегерманские диалекты обнаруживают сеть перекрывающихся диалектных признаков (изоглосс) фонетического, грамматического и лексического характера, отражающих сложные процессы схождения, расхождения и смешения в длительном историческом развитии древнегерманских племен и народов.

Ст. научн. сотрудник Э. А. Макаев (Москва) в докладе «Понятие общегерманского языка», предприняв попытку рассмотреть фонологические особенности (систему согласных и гласных, ударение, законы конца слова) протогерманского и общегерманского периодов германского праязыка, отрицал возможность использования экстралингвистических данных при описании общегерманского языка. Ненадежной, по мнению докладчика, является также система изоглосс. Э. А. Макаев считает, что тенденции развития кратких гласных в общегерманском языке не позволяют присоединиться к готско-скандинавской гипотезе.

Проф. Н. С. Чемоданов (Москва) в докладе «К вопросу о германо-балтских языковых связях» на основе анализа фонетических соответствий, структурной общности некоторых словообразовательных типов в германо-балтийских языках и готско-литовских лексических соответствий пришел к выводу о существовании в древности засвидетельствованной эпохи исторической общности германских и балтийских языков.

Открывая прения, ст. научн. сотр. Б. В. Горнунг (Москва), соглашаясь с основными положениями доклада В. М. Жирмунского, отметил шаткость критерия изоглосс, которые могут отражать как факты генетической общности, так и факты параллельного развития. Б. В. Горнунг возражал Э. А. Макаеву по вопросу о необходимости при описании общегерманского языка исключать экстралингвистические критерии; он заявил также, что германо-балтийские отношения не могут быть выяснены до решения балто-славянской проблемы.

Проблемам фонологии были посвящены доклады профессоров М. М. Гухман (Москва), М. И. Стеблина-Каменского и С. Д. Кацнельсона (Ленинград). М. М. Гухман в своем докладе «Соотношение фонологии и фонетики в сравнительно-исторических исследованиях» на германском языковом материале сделала ряд общих теоретических выводов. Основной единицей изменения фонологических процессов М. М. Гухман считает дифференциальный признак. Изменение дифференциального признака ведет к пере-

стройке фонологической системы. Ведущим фактором фонологических изменений являются процессы, происходящие на фонетическом уровне. На развитие той или иной фонологической системы оказывает влияние взаимодействие разных факторов — фонетических и фонологических — с морфологическими явлениями.

М. И. Стеблин-Каменский представил доклад на тему «Скандинавское преломление с фонологической точки зрения», С. Д. Кацнельсон — «О слоговой интонации в германских языках».

В. М. Жирмунский в своем выступлении указал, что не все факты, приведенные С. Д. Кацнельсоном, являются одинаково древними и что их сравнительная грамматика вряд ли может быть сведена к какому-то общим истокам.

Разделяя мнение М. М. Гухман о направлениях современной фонологии, В. М. Жирмунский подверг резкой критике американских фонологов, которые принципиальные положения фонологии представляют абстрактно, пренебрегая материальным звучанием и отрывая фонологию от фонетики. Фонема определяется ими не на основе материального характера звука и его различительной функции в языке, а на основе ее места в схеме. Рассматриваются различные соотношения и «треугольники», иногда с полным пренебрежением к фонетической стороне. Среди структуралистов господствует мнение, будто фонологические особенности языка развиваются из структуральных особенностей системы.

В. М. Жирмунский считает, что фонема возникает из варианта, а система развивается под влиянием внесистемных вариантов форм. Новые фонологические отношения возникают в результате фонологизации нефонологических явлений.

Проф. П. С. Кузнецов (Москва) допускает, что в большинстве случаев, хотя и не всегда, фонологические изменения являются следствием фонетических изменений.

Противоположной точки зрения придерживаются профессор Б. А. Ильиш (Ленинград) и М. И. Стеблин-Каменский. Проф. Б. А. Ильиш, выступив с категорическим утверждением о существовании фонологической системы как реального явления, считает необоснованным высказывание некоторых ученых, отрицающих роль фонологических факторов. Проф. М. И. Стеблин-Каменский высказался против сведения фонологических факторов к фонетическим. Основным для фонемы, по мнению М. И. Стеблина-Каменского, является занимаемое ею место в системе.

Проф. С. Д. Кацнельсон обвинил ряд фонологов в том, что они, вместо раскрытия причинных связей явлений, приписывают к этим явлениям фонологические ярлыки. Нельзя фонему брать изолированно от звука. При этом нужно учитывать отношение звука не только к морфологии, лексике, нужно брать систему во всех ее реальных противоречиях.

Проф. В. Г. Адмони (Ленинград) считает, что лингвисты, употребляя термин «система», забывают часто о реальных языковых фактах и их фонетическом содержании. Рассматривая вопрос о фонологизации аллофонов при умлауте, В. Г. Адмони указал, что фонологизация аллофонов зависит не только от редукции звука, вызывающей умлаут.

Проф. И. М. Тронский (Ленинград), признавая продуктивность фонологической точки зрения в историческом языкознании, в качестве примера перестройки фонологической системы языка, вызванной внешним толчком, привел вхождение в фонологическую систему латинского языка греческой фонемы «ишлосон», в результате чего изменился характер противопоставления фонем. Однако нельзя с уверенностью применять фонологические приемы к исследованию мало известных языковых состояний. Фонология требует синхронной системы, которая восстанавливается, как правило, гипотетически, при этом в ней проецируются явления, хронологически различные. И. М. Тронский отрицал возможность применения к языковым состояниям статистических критериев.

Проф. В. Н. Ярцева в вопросе о реконструкции фонологической системы не разделяла скептицизма И. М. Тронского. При восстановлении прототипов, по мнению В. Н. Ярцевой, можно оперировать не только понятием фонемы как места пересечения каких-то линий системы, но и ее фонетическими характеристиками. Для восстановления фонологической системы мертвых языков необходимо иметь некоторое количество фонетических фактов в родственных языках.

В обсуждении вопросов фонологии приняли участие доц. Н. А. Слюсарева (Москва), доц. Б. М. Задорожный (Львов), В. Я. Плотикин (Петрозаводск) и доц. Л. А. Близниченко (Киев).

Оживленная дискуссия велась на сессии по докладу В. Н. Ярцевой «К вопросу об инновациях в области синтаксиса». Под инновациями в сравнительно-историческом синтаксисе В. Н. Ярцева понимает преобразование синтаксических моделей, являющихся автохтонными для данной группы родственных языков. Если для целей реконструкции общих синтаксических моделей необходимо выделить то сходное, что существует в родственных языках, то для определения инноваций при сравнении синтаксического строя родственных языков важнее обращать внимание на различия, имеющиеся в этих языках. При анализе форм развития синтаксических моделей следует учитывать: а) степень частотности данной модели и б) место, занимаемое данной моделью в ряду близких ей синтаксических конструкций. В. Н. Ярцева разграничивает понятия «сочетание слов» и «словосочетание». Аналитическая форма глагола, будучи сочетанием слов, не может быть названа словосочетанием. Основной единицей синтаксического исследования должно быть слово-

сочетание, потому что любое преобразование, даже происходящее в предложении в целом, всегда имеет свое начало в словосочетании. По мнению В. Н. Ярцевой, есть два основных синтаксических закона — опущение и переразложение.

Б. М. Задорожный отметил, что архаическим элементом в системе синтаксиса не обязательно должна быть модель, которая засвидетельствована в разных родственных языках. Архаическим может быть и явление внесистемного характера, совершенно изолированное в каком-то одном языке.

В. Г. Адмони указал, что при определении синтаксических изменений не всегда следует исходить только из словосочетания, необходимо учитывать также структуру сложного предложения и проблему модальности.

В. М. Жирмунский высказался против сведения синтаксиса к словосочетаниям, так как синтаксис предложения часто ставит вопросы, которые находятся вне проблемы словосочетания, примером чему может служить проблема образования сложноподчиненных предложений. Неправоммерно было бы также проблему сложноподчиненного предложения сводить к переразложению.

Канд. филол. наук А. М. Мухин (Ленинград) поддержал тезис В. Н. Ярцевой о важности учета степени частотности данной модели. В прениях по докладу В. Н. Ярцевой выступили также Б. А. Ильиш и канд. филол. наук В. М. Шапиро (Харьков).

С большим вниманием на пленарном заседании сессии был заслушан доклад доктора Р. Гроссе (ГДР) «Литературный язык, полудialect и dialectы на территории Саксонии». Доктор Гроссе классифицирует немецкий национальный язык, наряду с горизонтальным «формальным» членением, выделяющим Schriftsprache «литературный язык», Umgangssprache «полудialect» и Mundart «dialect», вводит вертикальное «функциональное» членение, учитывающее пространственное и социальное распространение, а также ситуацию говорения, в результате чего классификация немецкого языка превратилась в стройную, хотя и довольно сложную систему.

Близко к докладу доктора Гроссе по тематике примыкал доклад ст. науч. стр. С. А. Миронова (Москва) «К вопросу о формировании литературной нормы в нидерландском языке», в котором показан процесс формирования литературной нормы нидерландского языка, обусловленный сложным взаимодействием двух факторов: старой письменной литературной традиции фламандско-брабантского варианта средненидерландского языка, положенного в основу письменной разновидности нидерландского языка, и новой, смешанной по своему характеру голландской диалектной базы, на которой сложилась его устная (разговорная) форма.

В. М. Жирмунский, высоко оценивая попытку Гроссе рассмотреть формальные

различия между диалектом, полудиалектом и литературным языком, вместе с тем полемизировал с ним по поводу его терминологии.

М. М. Гухман подробно остановилась на анализе терминов «письменный» и «литературный» язык, а также указала на неточность понимания немецкого термина Umgangssprache, который употребляется у нас в значении «разговорный язык», в то время как в Германии он обозначает полудиалект, т. е. промежуточную ступень между диалектом и литературным языком.

Несколько упрощен взгляд у нас и на процесс образования национальных языков, который обычно сводится к тому, что в основе литературной нормы национального языка обязательно должен лежать один определенный диалект.

По докладу доктора Гроссе выступили также преподаватель Е. В. Фишман (Саратов) и доц. Н. А. Булах (Ярославль).

Кроме пленарных заседаний, на сессии работали английская и немецкая секции. На английской секции были заслушаны и обсуждены доклады Б. А. Ильиша, В. Н. Ярцевой, Г. П. Торсуева и А. А. Уфимцевой.

Проф. Б. А. Ильиш в докладе «Развитие способов выражения смыслового предиката в английском языке» указал на необходимость исторического подхода к изучению способов выражения смыслового предмета.

Основными из этих способов, по мнению Б. А. Ильиша, являются: а) порядок слов в предложении; б) артикли и другие определители при существительном; в) частицы (ограничительные и выделяющие), а в устной речи и интонация.

Выступавшие в прениях предостерегали докладчика против смещения логических и языковых категорий (проф. Г. Н. Воронцова), указывали на неточное разграничение смыслового и психологического предиката (доц. М. З. Иoffик, Ленинград), понятия и значения (канд. филол. наук А. А. Неёлов, Орджоникидзе), а также возражали и против термина «смысловый предикат» (Г. Н. Воронцова; доц. Э. П. Шубин, Пятигорск; канд. филол. наук Г. М. Райхель, Калинин).

Проф. В. Н. Ярцева в докладе «Проблема парадигмы в языке аналитического строя» указала, что грамматические категории находят свое выражение в парадигмах, присущих различным частям речи. Следует при этом различать понятия «парадигма» и «парадигматический ряд». Последний должен строиться на основе единообразного способа выражения грамматического значения, т. е. быть либо только флективным, либо только аналитическим. Парадигма же, охватывая всю совокупность парадигматических рядов, может содержать в себе одновременно как аналитические, так и флективные формы.

Признавая наличие в английском языке аналитического спряжения, В. Н. Ярцева отрицала существование в нем аналити-

ческого склонения, так как предлог выражает отношение между двумя членами словосочетания.

Проф. Г. Н. Воронцова указала на необходимость различать слова-лексемы и слова-нелексемы, слова-морфемы.

Проф. П. С. Кузнецов возражал против отнесения предлога к синтаксису, а связи между словом и морфемой — к морфологии. По мнению П. С. Кузнецова, здесь нет никакой разницы, так как функция морфемы определяется синтагматикой.

Доц. Э. П. Шубин высказал мысль, что между основой и синтагмой нет промежуточной единицы языка, так как основы комбинируются непосредственно с синтагмами при помощи грамматических средств. По мнению Э. П. Шубина, конверсия есть разновидность семантического (а не морфологического) словообразования, при которой основа попадает в новый семантический разряд, т. е. в новую часть речи, где она обрастает новыми парадигматическими показателями. С замечаниями по докладу выступили канд. филол. наук М. В. Янкошвили (Тбилиси), Б. А. Ильиш и канд. филол. наук Г. М. Райхель.

В докладе ст. научн. сотр. Г. П. Торсуева (Москва) «О структуре слога в современном английском языке» был дан анализ фонетической структуры слога, куда, по мнению докладчика, входят: а) фонемная структура, включающая в себя состав и количество фонем, их последовательность и возможность сочетания; б) структура соединения фонем, представляющая собой определенные, характерные для данного языка способы связанного произнесения сочетаемых в слове фонем, проявляющиеся в определенном соотношении фаз их артикуляции; в) сллабическая структура, характеризующая собой слоговоеделение, количество слогов, их строение и возможное местоположение в слове; г) акцентно-ритмическая структура, которая представляет собой определенное соотношение слогов слова, образующее акцентный тип слова и характеризующее его ритмическое строение.

Расходясь с Г. П. Торсуевым в определении фонемы, П. С. Кузнецов отметил, что при любом понимании фонемы слог по существу не является фонологической единицей, по крайней мере в тех языках, где слоговая граница не совпадает с границей слогового членения. В обсуждении доклада приняла участие доц. М. П. Вецозола (Рига).

Мл. научн. сотр. А. А. Уфимцева в докладе «Принципы исторического изучения лексико-семантических групп» указала, что предметом историко-семантического изучения служат лексико-семантические группы слов. Лексико-семантическая группа отличается в принципе как от «предметных групп», составляемых из области обозначаемых предметов, так и от «семантических полей», в основу которых кладутся абстрактные круги и сферы чистых понятий. С замечаниями по докладу выступили канд-ты филол. наук А. А. Не-

елов, Н. Ф. Пелевина (Черновцы) и Ю. Л. Лясота (Владивосток).

Заседания немецкой секции были посвящены обсуждению докладов В. Г. Адмони, О. И. Москальской и С. А. Миронова.

Проф. В. Г. Адмони в докладе «Проблема общего падежа в современном немецком языке» дал подробный анализ развития в немецком языке тенденции использования формы именительного падежа в качестве так называемого общего падежа.

Проф. Е. Г. Ризель (Москва) считает, что в связи с проблемой «общего падежа» возникает вопрос о языковых и стилистических нормах современного немецкого языка. Замена любого падежа (в частности, генитива) новым падежом без флексии способствует тому, что синтаксическая структура предложения становится более гибкой.

Доц. Е. И. Шендельс (Москва) обратила внимание на случаи грамматической нейтрализации формы имени существительного в определенной позиции, как результат сращения противопоставления между прямым и косвенным падежом, и призвала изучать процессы нейтрализации в области лексики и грамматики. В обсуждении доклада приняли участие М. М. Гухман, канд. филол. наук М. В. Раевский (Петрозаводск) и доц. Е. Н. Риттер (Горький).

В докладе проф. О. И. Москальской (Москва) «Структурно-семантические разряды слов в составе части речи»

сделана попытка, наряду с грамматическими, выделить также структурно-семантические разряды слов с учетом лексического значения отдельных групп слов в составе части речи (исчисляемость и неисчисляемость у имен существительных; относительность у прилагательных; переходность и непереходность, предельность и непредельность у глаголов).

М. М. Гухман, возражая О. И. Москальской, заявила, что выделение групп на основе таких категорий, как предельность и непредельность, переходность — непереходность, а также деление глаголов на вспомогательные, полнозначные и модальные — совершенно разные и притом несопоставимые явления.

На сессии были подняты также вопросы об улучшении координационной работы научно-исследовательских учреждений и учебных заведений (А. Р. Гешеле, Бельцы, Молдавской ССР) и усилении работы по терминологии (В. М. Жирмунский, М. М. Гухман, В. М. Шапиро, Н. Г. Юрченко, М. В. Янкошвили, Б. А. Ильин, Г. Н. Воронцова, Э. П. Шубин, Г. М. Райхель), а также о необходимости издания на иностранных языках учебников и учебных пособий (Ю. В. Цареградская, Смоленск; А. Р. Гешеле). Многие выступавшие говорили о постоянной необходимости издания журнала по романо-германской филологии (А. Р. Гешеле, В. М. Жирмунский, Н. Г. Юрченко, Ю. Л. Лясота).

И. И. Анацкий

НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ РАБОТА НА МЕСТАХ

Помещенный ниже перечень диссертационных тем, по которым ведется работа в 1959 г. на кафедрах высших учебных заведений страны, представляет собою завершение обзора, начатого в предыдущем номере журнала¹. Источником для данного перечня послужили сведения, пришедшие на 1 июня с. г. 46 педагогическими институтами (см. список в конце обзора).

Как и в первой части обзора, диссертационная тематика для удобства сирок расположена в алфавитном порядке по языкам². В особые группы выделены темы диссертаций, построенных на сопоставлении или сравнении исследуемых фактов двух языков. В скобках после названия темы дается фамилия диссертанта (если она была указана в полученных сведениях) и цифра, обозначающая порядковый номер соответствующего вуза по алфавитному списку институтов (см. в конце обзора)³.

¹ См. ВЯ, 1959, № 4, стр. 143.

² Диссертации на методические или педагогические темы в список не включались.

³ Исключение составляют наименования тем диссертаций, которые вместо цифры имеют обозначение КБУ — Кабардино-Балкарский гос. ун-т.

Английский язык

А. Фонетика

1. Артикуляционная база современного английского языка (В. М. Вронский; 14).

Б. Лексика

1. Слово-заместитель *one* в современном английском языке (В. М. Аришштейн; 14).

2. Лексические особенности диалогической речи в современном английском языке (З. П. Алексюттина; 14).

3. К вопросу о классификации эмоциональной лексики в современном английском языке (В. Р. Мальцев; 14).

4. Фразеологические единицы современного английского языка, основанные на пословицах (И. М. Оницкапская; 14).

5. Семантико-структурные особенности фразеологических единиц определенного гина (М. Ф. Харенко; 4).

6. Образование сложных фразеологических оборотов (Р. П. Дворжецкая; 1).

7. Фразеология в толковых словарях английского языка (Г. Д. Филановский; 4).